

известь, он поймет, что "голубиный зов" Церкви не всегда слышат разбойники, призовет на дубину меч, и хорошо сделает: душу свою может отдавать пастырь за овец, но не душу паствы — не душу Церкви.

Через много веков умные враги и неумные друзья Августина скажут, что ^первый догматик Светлейшей Инквизиции" — он в слишком неосторожном слове своем, родившем такие страшные отзвуки в Римской Церкви: "compelle intrare, принудь войти".

...Множество малых боев, а великих три: с манихеями, донатистами и пелагианами. Выйдет из всех трех победителем. Но третий, последний бой будет для него смертельным, хотя и с бессмертным венцом победы — святостью»¹.

Иначе говорит уже упомянутый исследователь истории Северной Африки Ш.-А. Жюльен. Он приводит данные о том, что, по настоянию Августина, светские власти Рима разрешили преследование еретиков «по закону»; о том, что Августин, опираясь на слова из Евангельской проповеди Иисуса о «лжепророках», которые «приходят в овечьих шкурах, а по сути — волки хищные», коих следует бояться; а также о том, что хороший садовник, увидев на дереве гниющую ветвь, срубает ее и бросает в огонь, — обосновал жестокие преследования еретиков, ссылаясь также и на заповедь любви к ближнему: Августин был убежден, что даже Бог не будет спасать еретиков от адского пламени, потому что они отступили от Бога. Однако есть способ спасти даже заблудшую душу еретика от вечного адского пламени — «если еще на земле провести ее через очистительный огонь костра». И Ш.-А. Жюльен утверждает, что первые костры, на которых сжигали еретиков, загорелись в Северной Африке во времена Августина. Расправлялись с еретиками с такой жестокостью, что многие предпочитали покончить с собой самосожжением, лишь бы не попасть в руки клеветов Августина.

Не отрицает этого и Д. С. Мережковский, хотя считает это «ответной мерой» и не уточняет, каков был тот «меч», за который взялся епископ Гиппона.

¹ Мережковский Д. С. Лица святых. От Иисуса к нам. С. 103-105.